

Глава 1

НАЧАЛО

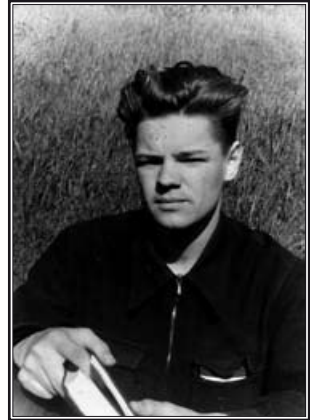
Голос свыше:

*До того, как что-нибудь было,
ничего не было.*

И. Шток

Наукой, точнее самостоятельными исследованиями, я начал заниматься на старших курсах Физтеха. В МФТИ (Московский физико-технический институт) поступил в 1954 году. Физтех был и остается самым передовым, или, как сейчас говорят, престижным вузом. Инициаторами его создания и преподавателями были такие выдающиеся ученые, как Л.Д. Ландау, П.Л. Капица, Н.Н. Семенов и др.

В нем была введена уникальная система обучения, опирающаяся на базовые ведущие научно-исследовательские институты, в которых студенты старших курсов проходили практику, а точнее начинали научно-исследовательскую деятельность. По окончании института они направлялись на работу именно в эти научные учреждения.

Поступать в институт я приехал из города Тайшета, где окончил школу, про МФТИ узнал из какого-то случайно попавшегося проспекта для поступающих в вузы. Надо сказать, что за время учебы я сменил 6 школ. В связи с этим, хотя я и не собираюсь писать свою биографию, позволю себе небольшой экскурс в детство.

По материнской линии моя родословная ведет к прабабушке – польской графине Тышкевич, бабушка моя Розалия Матвеевна родилась в Кракове, потом, выйдя замуж, переехала во Владикавказ. Дед Михаил в начале XX века переехал из Паневежиса в Грозный. Там ро-

дился мой отец Валентин Михайлович. Он работал машинистом на паровозе и на станции Беслан познакомился с Ядвигой Александровной Лакштовской, моей будущей матерью. Потом в Красной Армии командовал железнодорожным полком, а далее преподавал в Военно-транспортной академии около метро «Маяковская», где мы и жили. В 1938 году его по доносу сослуживца арестовали, он сидел в Бутырке, в камере, где в свое время содержался Пугачев.

Мой отец Валентин Михайлович, а справа – человек, который написал на него донос, чтобы получить его квартиру в центре Москвы

Отец считал свой арест ошибкой, но, когда однажды обнаружил на стене нацарапанную надпись «Уборевич», понял, что это значит. Его пытали, но он ни одного доноса не подписал, его осудили на 5 лет по 58-й статье и отправили строить железную дорогу Котлас – Воркута. Мы с мамой остались в Москве.

Вот мое самое первое детское воспоминание. По-видимому, это было в 1940 году. В парке Горького проходила выставка немецкого оружия, на набережной стояли танки, и детям разрешали влезать внутрь. Я очень хотел попасть в танк, но передо мной туда забрался толстый мальчишка и долго не вылезал, а я боялся, что этот «жиртрест» застрянет там на-

долго и мама скажет, что уже поздно и пора уходить. Я так и не помню, попал я в танк или нет, запомнились только мои переживания.

Когда началась война, мы с мамой были эвакуированы в Марийскую АССР, в деревню Кукшумбал. Я пас коз и даже получал карточки на хлеб. Местные жители не любили эвакуированных и говорили: «Мы вас первых Гитлеру выдадим».

В 1943 году отца освободили и мы переехали к нему в поселок Абезь. Жили мы в вагоне-теплушке, помню, как его подкатили к месту стоянки, мы вышли, и большой железнодорожный кран поднял нашу теплушку с мебелью, посудой и прочими причиндалами и переставил на два куска рельсов, уложенных рядом с железной дорогой. Здесь мы и поселились. Отец работал начальником строительства железной дороги Котлас – Воркута. На всю жизнь запомнились праздники, когда к нам приходили друзья отца – и вольные, и заключенные. Какие это были замечательные люди! Мама играла на гитаре, пели песни, было очень весело, о политике они не говорили, но кое-что я понимал. В 1953 году, когда умер Сталин, директор школы объявил мне выговор за то, что я не скорбел.

В 1944 году родилась моя сестра Люда. Надо сказать, что я всегда любил играть с маленькими детьми, интересовался воспитанием, читал книги А. Макаренко и убеждал родителей, что они воспитывают меня неправильно. Свои идеи я применял в воспитании своей сестры, прививал любовь к книгам, языкам, воспитывал вкус, смелость, таскал ее во все наши мальчишеские компании. Моя сестра Людмила попросила дать ей слово, что я и делаю.

Своему старшему брату я обязана многим. Именно он привил мне вкус к хорошей литературе, музыке, живописи. Все это происходило в тот трудный период моей жизни, когда я постепенно переходила из детства в юность. Воспитание хорошего вкуса – это как бы «отделка», характер же человека, я думаю, формируется гораздо раньше. В дошкольном возрасте мой характер формировался под влиянием брата, который воспитывал во мне стойкость, смелость, независимость и силу воли, в основном, конечно, на собственном примере. Думаю, что сам он даже не подозревал об этом. Расскажу только одну историю из нашего детства, которая настолько же важна для меня, насколько и необычна. Брат был моим кумиром, я старалась подра-

жать ему абсолютно во всем и, конечно же, стремилась всеми способами заслужить его уважение. Как-то раз я придумала сделать это следующим образом. Мы жили тогда в одноэтажном доме на две семьи, окруженном довольно обширным двором с двухэтажным сараем. На второй этаж сарая вела открытая наклонная лестница, в которой было восемнадцать ступеней. Цель моя была проста – показать свою смелость и ловкость, спрыгнув со второго этажа. Упорные тренировки продолжались втайне от всех несколько

дней. Я начала с пятой ступеньки и затем прибавляла постепенно по одной. Наконец спрыгнула с последней – восемнадцатой, но только один раз, потому что было трудно и страшно. До сих пор не понимаю, как мне это удалось. На следующий день, выбрав время, когда родителей не было дома, я позвала брата и сказала: «Я хочу тебе кое-что показать». «Ну давай, – сказал он, – только быстро». Я забралась на второй этаж, собрала все силы и прыгнула. Цель была достигнута – мой кумир смотрел на меня с явным уважением. «Подожди, – сказал он, – я сбегая за фотоаппаратом, это надо запечатлеть». Ничего ужаснее он не мог сказать. Прыгать еще раз?! Это было выше моих сил. Но не могла же я в один момент потерять то, что было завоевано таким тяжким трудом. Ну что ж, фотография существует. Теперь она – одно из украшений моего фотоальбома.

С большим интересом и удовольствием я занимался и воспитанием своих детей. Вспомнился забавный случай с дочерью Веттой. Как-то я ехал с ней в метро, ей было тогда года три, она вдруг запела: «О, вэн зе сенть го марчин инь». Студент с книгой, сидящий напротив, удивился, что маленькая девочка поет джаз, а она, гордо посмотрев на него, выдала: «Дивергенция ротора равна нулю». Это я так учил ее выговаривать букву «р».

Много внимания я уделял и своим трем внучками, которые сейчас на склоне моих лет для меня самые любимые женщины на свете.

Еще вспомнился День Победы, был яркий солнечный день, на площади соорудили трибуну, на высоком столбе подняли флаги, и из репродуктора голос Юрия Левитана возвещал о Великой Победе!

Правда, этот день был омрачен для меня тем, что я попал в плен. Мы с ребятами играли в войну, и меня, пленного, отвели в болото, откуда выбраться сам я не мог, надо было знать тайную тропу по кочкам. В результате меня освободили только поздно вечером.

В 1946 году отца направили в Комсомольск-на-Амуре, нашу теплушку вновь поставили на рельсы, и мы добирались до места в течение 16 суток.

*Сейчас я очень жалею, что мало беседовал с отцом.
Мне его сильно не хватает, он был очень хорошим человеком*

Отец был начальником строительства сначала самого восточного участка БАМа (Комсомольск – Советская Гавань), а затем самого западного (Тайшет – Лена). Мы жили сначала в Тайшете (там отбывала срок Лидия Русланова, и мы ходили в зону на ее концерты), потом в Заярске, Братске и снова в Тайшете.

Еще запомнилось, как одно время в Комсомольске с нами жили обе бабушки: Аделаида Каэтановна, интеллигентная (она работала судьей), убежденная атеистка; и Розалия Матвеевна – простая и истинно верующая католичка (она и меня тайком от родителей крестила в ко-

стеле). Очень забавными были их споры о вере и Боге. Бабушка Рузя была поистине святым человеком, помогала всем, кому могла, всегда подавала милостыню нищим, постоянно посылала посылки племяннику Людусю, который, сбежав из плена, как и многие, сидел в лагере. Она постоянно ходила в костел, вечером ставила перед распятием бутылочку святой воды и молилась за всех близких: «Имя ойца и сына свентего...» А я, дуралей-атеист, подменял ей святую воду водопроводной, экспериментируя на вере. Стыдно!

Мы держали поросенка, которого я назвал Фрицем, чтобы не жалко было резать. Когда он вырос и его зарезали, бабушка наготовила кучу вкусных блюд, в ход шло все, кишки набивались колбасой, из ливера готовилось блюдо под названием сальцесон, и даже мочевого пузырь высушивался и набивался горохом – получалась погрешка.

Однажды отец взял меня на рыбалку, на горную речку Сунгари. А рыбалка была такая: через речку перекинут мостик, по реке, по камням, прет косяк кеты и люди, стоя на мостике, бьют ее острогой.

Иногда отец брал меня с собой в командировку в его служебном вагоне. Мне запомнилось одно диковинное место. Было там две речки: Купá и Кутá, так их назвал еще Хабаров. Когда было тепло, купались и называли речку Купа, а когда похолодало, кутались и эту речку называли Кутой. Так вот: уникальное природное явление! Эти речки текли вдоль одного края железной дороги навстречу друг другу, сталкивались и уходили в тоннель под железной дорогой. Я сидел у окна, и отец предупреждал меня, чтобы я не прозевал этот момент столкновения. Редчайшее явление природы! Ну, пожалуй, мой экскурс в детство затянулся, пора вернуться к поступлению в институт.

Когда я поступал в МФТИ, конкурс был очень большой (если не ошибаюсь, 25 человек на место), а принимали на 1-й курс всего 225 человек. Приемная комиссия была в МГУ на Моховой, экзамены сдавали в МЭИ на Красноказарменной и в других вузах. Все абитуриенты, включая золотых медалистов, сдавали 9 экзаменов: три по математике (алгебра письменно, геометрия с тригонометрией письменно и устный экзамен), два по физике (письменный и устный). Но самым серьезным испытанием было собеседование приемной комиссии со сдавшими экзамены абитуриентами, призванное выявить способ-